

Поразивший нас мировой кризис не является кризисом финансовым, и вообще экономическим. Это кризис потери видения будущего, кризис девальвации прежних ценностей, которые обеспечивали моральное лидерство США как стране-гегемону. Сейчас прежнее «потребительское общество» признано невозможным не только во всем мире как цель, но и в США как реальность. Разговоры о «демократии» после циничной демонстрации всевозможных двойных стандартов и несправедливых войн набили оскомину. Эта риторика просто больше не в моде и не в тренде. Апгрейда требует и мировая экономическая система, которая давно уже не является рыночной, но все стыдятся это признать, как будто «нерыночный научный дискурс» есть что-то неприличное. Мир в застое, и самое обидное, что данный кризис — это не борьба старого и нового, а полное отсутствие этого «нового» даже на горизонте. Надежды оптимистов, верящих, что кризис скоро закончится, зиждутся на том, что Америка опять включит станок, поднимется цена на нефть и все будет по-старому... Но так не будет, кризис будет продолжаться, пока некое «новое» не появится на горизонте и не подчинит своей власти все сферы жизни на Земле. Подобно тому как первобытные общества сменили первые государства и империи, подобно тому как феодальные общества сменил современный капитализм (в том числе и в форме госкапитализма), современное общество будет заменено каким-то другим, новым обществом. Поэтому надо пристально смотреть на сферу инноваций.

В последнее время в России много говорят об инновациях и инновационной экономике. Инновации стали одним из «И», которые должны вытащить Россию из кризиса, по словам президента Д. Медведева. Однако за всеобщим, казалось бы, консенсусом относительно нужности инноваций не замечают огромные общественные силы, которые им противостоят. В противном случае инновации давно бы внедрились, и не было бы никакого российского и мирового кризиса.

Современное общество считается инновационным. В отличие от традиционного общества, где всякого новатора ждало или порицание, или смерть (представьте, какой-то дурунь решил бы сеять пшеницу не как деды сеяли, а по-новому — можно ли подвергать риску всю общину?), в современном обществе инновациям не сопротивляются, их приветствуют, о них много говорят. Традиционное общество держалось на том, чтобы противостоять инновациям или адаптировать их. Если традиционное общество сталкивалось с тем, что оно не могло «переварить», оно ггло, распадалось. Общества, которые научились принимать инновации и даже делать их своей стихией, являются лидерами мирового порядка, истории, прогресса.

Благодаря инновациям удалось решить многие проблемы традиционных обществ: ушли в прошлое многие болезни, эпидемии теперь не выкашивают до трети населения стран, инновации сократили детскую смертность, население Земли растет огромными темпами. Инновации увеличили производительность труда, и это позволяет хоть как-то прокормить такое население, что прежде было бы невымыслимо. Инновации обеспечили доступ большому количеству людей к образованию, к сокровищницам культуры, науки и техники. Инновации освободили массы людей и обеспечили им политическое участие, реализацию их прав и свобод. Инновации сделали мир удобным, комфортным за счет различных, невиданных ранее вещей. Да, можно сказать, что всё еще есть голод, экологические проблемы, не все люди имеют удобные вещи, умеют читать, имеют медицинскую помощь. Но все это проистекает не из инноваций, а из их недостатка. Обновление техники решит экологические проблемы, инновации в сфере биоинженерии и экономики помогут накормить людей, инновации в СМИ и коммуникациях обеспечат образование, инновации в медицине продлят людям жизнь. Создается впечатление, что, в самом деле, мы живем в бесконечно меняющемся мире, не успевая привыкнуть к новым поп-звездам, техническим новинкам, испытывая стресс от динамики событий. Кажется, что все проблемы решатся скоро, вот уже через несколько десятилетий...

Однако мы видим тенденцию сокращения инноваций. 30 лет назад философ О. Тоффлер написал книгу «Футуришок». Он прогнозировал новую болезнь, с которой столкнутся люди в результате стремительного наступления будущего, постоянного стресса и смены образа жизни. Книга не стала сбывшимся кошмаром. Написавший ее философ ошибся. Сознание людей может заблуждаться насчет прогресса, но отсутствие серьезных мутаций человека говорит о том, что «организм не обманешь». Да, есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую революцию» за всемирно-историческое событие, но на самом деле все эти улучшения и «новости» есть лишь имитация новаторства.

В политике мы уже 250 лет носимся с «демократией» и не только не можем придумать новый дискурс, но даже не сознаем такую задачу, повторяя на всех уровнях заклинания о свободах, правах, о борьбе с авторитаризмом... Настоящей же идеологией всех государств является старая добрая геополитика, с ее принципами «разделяй и властвуй», «у нас нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы» и

проч. Все разговоры об общих интересах — только прикрытие, способ запутать геополитических соперников, надуть их посильнее. Разговоры о демократии, в частности, выполняют эту функцию.

В мировой экономике продолжается борьба свободного рынка и изоляционизма (протекционизма), точно так же, как это было 200 лет тому назад. Та же эксплуатация одних стран другими. Колониализм, конечно, сменился неоколониализмом, но и самому неоколониализму уже 50 лет. Кроме того, сам экономический дискурс не обновлялся 100 лет.

Со времен Локка и Монтескье никто не выдумывает ничего в системе управления государством. Всё то же пресловутое «разделение властей», «сдержки и противовесы». Везде одни и те же парламенты и президенты, хотя столько слов сказано о плюрализме!

Армия, для которой инновации есть условие ее выживания и боеспособности, принципиально не менялась уже более 50 лет. Все эти истребители четвертого и пятого поколений напоминают как раз «новый улучшенный шампунь». Реально, никаких прорывов со времен атомной бомбы нет, собственно, ее наличие или отсутствие до сих пор и определяет расклад сил в мире.

Техника и производство стагнируют. Огромное количество патентов скоплено на корню транснациональными корпорациями и не запускается в производство, потому что еще не отбились инвестиции, вложенные в старые технические проекты. Капитализм тормозит прогресс ровно так же, как это делал социализм. Собственно, крупная экономика уже дав-но стала плановой, просто индикативные ориентиры устанавливает не Госплан, а другие институты.

В начале XX века, когда люди пересели с извозчиков на автомобиль, они думали, что через 50 лет будут летать по воздуху, еще через 50 лет перемещаться с помощью мгновенной транспортировки, как об этом мечтали фантасты (разобрали тело на молекулы, а через 10 000 км — собрали), но мы уже сто лет ездим на автомобилях, хотя им давно уже изобретены альтернативы.

Да и если быть честным, за последние десятилетия сделано не так уж много по-настоящему фундаментальных открытий. Число ученых в мире сокращается, открытия мельчают. Новаторский вклад Интернета переоценен: по различным исследованиям он не так уж принципиально поменял и экономику, и жизнь в целом. Где новые источники энергии? Где безотходное производство? Где лазерные бластеры и «пыльные тропинки далеких планет»? Где роботы, которые полностью заменили бы человека на производстве и дали ему свободное время для творчества? Про «антигравитаторы» и «машины времени» даже не будем напоминать...

В социальной сфере, в борьбе с бедностью, преступностью все институты заинтересованы в том, чтобы объект их борьбы сохранялся как можно дольше, чтобы можно было получать новые ассигнования и увеличивать штаты для организации «более эффективной борьбы». Так, наркомафия специально подбрасывает борцам с наркотиками от дельные партии, чтобы те могли демонстрировать свои победы. Цену убытков вставляют в цену товара, и ее оплачивает потребитель. Благо творительная гуманитарная помощь голодающим в Африке намеренно приобретает такие формы, что убивает на корню все возможное собственное сельскохозяйственное производство и таким образом консервирует нищету, расширенно воспроизводит отсталость и голод.

Нет, не Тоффлер со своим «Футурошоком», а Фукуяма с «Концом истории» оказывается прав, хотя последнего засмеяли настолько, что он в ужасе сам отказался от своей концепции. И напрасно!

Сфера, от которой зависит будущее человечества, сфера, в которой это будущее производится — сфера образования полностью подверглась симуляции. Подобно тому, как папка с документами на рабочем столе компьютера изображает именно то, что она отменяет (папку с бумагами), современное образование есть изображение образованности, которая давно уже отменена системой и не ценится ею.

Абитуриент-филолог выбрал на вступительном сочинении свободную тему. Он сам придумал название, сюжет и главных героев произведения «современного писателя», критически разобрал конфликт этого произведения и его «мораль». И получил пятерку. Другой студент-социолог написал диплом, в котором постоянно цитировал якобы переведенные им несуществующие работы современных западных социологов. Он закончил учёбу с «красным дипломом». Менее изобретательные студенты просто заказывали старшекурсникам и аспирантам написание рефератов, курсовых, дипломов, а затем и диссертаций. В сети можно скачивать все. Целые порталы рефератов, курсовых и дипломов. На уличных развалах — коллекции дисков со школьными сочинениями, ответами на вопросы по всем видам экзаменов. В подземных переходах можно приобрести дипломы практически любого вуза страны. Программы типа «антиплагиат» позволяют найти источник сданных преподавателю рефератов и курсовых. Однако против хенд-мейд или, точнее, брейн-мейд работ эти программы бессильны. Точно так же они не способны выявить и фальсифицированные ссылки и источники, так как хороший фальсификатор может позаботиться о том, чтобы сначала запустить в Интернет псевдоссылки и псевдоупоминания придуманных им ранее работ и авторов. Научная жизнь сводится к пов-торению десятилетиями читаемых лекций, публикациям тезисов виртуальных конференций, формальным защитами, на которых все предварительно оговорено с оппонентами и главной частью является банкет. Профессора путешествуют по межрегиональным форумам и круглым

столам в надежде получить новые связи и информацию о грантах. Выполнение этих грантов так же симулируется, и это, как ни странно, мало заботит грантодателей, которые просто осваивают фонды и часто получают откаты. Распространено виртуальное соавторство, взаимное цитирование и даже (высший пилотаж!) раскрутка псевдопроблем, под решение которых выбиваются фонды из правительства и иных внебюджетных источников, под которые организуются псевдонаучные коллективы. (Известный физик-интеллектуал Фримен Дай сон говорит, что пресловутые нанотехнологии есть плод раскрутки псевдопроблемы группой высокопоставленных научных шарлатанов.) Получение премий, научных званий и степеней оказывается тем символическим капиталом, который превращает учёного в медийный персонаж, псевдоэксперта, который, пользуясь своим влиянием, способен лоббировать любые бюджеты по любой проблеме для дружественного научного коллектива. С развитием и становлением бизнеса в эту сферу приходит и коммерческий интерес. Ученые подписывают псевдоэкспертные заключения о полезности или вреде тех или иных материалов, продуктов питания, промышленных проектов. Социологи пишут липовые отчеты для политиков и публикуют заказные рейтинги и формирующие опросы (опросы, в которых важна информация, содержащаяся в вопросе, а не сам ответ). Многим «открытиям» придается сенсационная форма, чтобы книги имели коммерческий успех, а сделанная на основе «открытия» продукция хорошо продавалась (возьмите распространенные сейчас диеты на основе группы крови).

Симуляция и нежелание обновлений появились не вдруг, не свалились с неба. Модернизм как инновационная идеология имеет немало грехов перед человечеством. Прежний модернизм был не только источником инноваций, но и в гораздо большей мере источником жестокого уничтожения прежних форм жизни, которые были объявлены консервативными и реакционными. Все, что якобы мешало прогрессу, — подлежало уничтожению. На жесткость модернизма человечество ответило сворачиванием модернистской программы, включило систему мягкого замораживания прогресса, неоконсерватизма, симуляции, гуманизма и экологизма.

Означает ли это, что модернизм должен умереть? Нет, умереть должен старый модернизм, который не столько творил новое, сколько разрушал старое. Новый модернизм говорит о том, что прежние формы природы, общества, человека должны не уничтожаться, как якобы мешающие прогрессу, а сами обновляться. Так, например, старый модернизм вел борьбу с религией как «пережитком прошлого», новый модернизм выступает за инновации внутри самой религии. Причем эти инновации должны вырасти из ее сердца, а не быть реакцией на из-менения среды. Проповеди и причастия в Интернете — это не инновации, а профанация и симуляция инноваций, а вот глубокая разработка богословского и мистического наследия, открывающая новый духовный опыт, путь к новой святости и новым святым — это инновация.

Не существует некоей особой инновационной сферы или сектора в обществе, в противоположность неким, якобы вечно консервативным институтам и секторам. Инновации возможны везде, причем здесь и сейчас. Все, что мы видим вокруг себя, можно улучшить, сделать совершеннее.

- Мы должны искать единомышленников, объединять их, обеспечивать им площадки для коммуникаций;
- Мы должны разоблачать симуляцию, лжеинновации;
- Мы должны бороться с мракобесием и его различными формами, с теми, кто рядится в тогу науки (например, пресловутым «Римским клубом», доказывающим, что человечеству не хватит ресурсов, а значит, пора сокращать население, спасать «золотой миллиард» и проч.);
- Мы должны бороться с прежним отрицательным модернизмом и его методами, с теми, кто уничтожает и критикует старые формы, вместо того чтобы предлагать новые;
- Мы должны популяризировать настоящие инновации, технологические, но, прежде всего, — гуманитарно-социальные.